

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПАВЛОМЪ СВИНЬИНЫМЪ,

7760
Любвишь Отечество велишь природа, Богъ;
А знашь его — вошь честь, достоинство и долгъ!

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

(Съ видомъ города Рыбинска.)

САНКТИТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СМЕРДИНА.

1 8 2 6.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

№ 79. Ноябрь, 1826.

Киргизскій Пльнникъ.

(Быль Оренбургской линіи.)

Верхнеуральскъ, составляя пограничную крѣпость, принадлежащую въ числу уѣздныхъ городовъ Оренбургской губерніи; онъ находится подъ $53^{\circ} 52' 40''$ сѣверной широты и подъ $76^{\circ} 47' 12''$ восточной долготы отъ перваго меридіана, чрезъ островъ Ферро проведеннаго. Немногія крѣпости, немногіе города могутъ похвалиться такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, каковъ имѣетъ Верхнеуральскъ, стоящій на лѣвомъ, крупомъ берегу быстраго Урала. Вокругъ него возвышающіяся горы, расположенныя въ видѣ неправильнаго амфитеатра. Съ одной стороны видѣнь величественный, безлѣсный Извозъ, съ глубокимъ ущельемъ, которое начинается отъ самой вершины и окан-

чивается близъ подошвы; съ дру-
 гой—синѣется угрюмая, дикая соп-
 ка, на коей лежатъ ужасные кам-
 ни, издали кажушіеся огромнымъ
 спроеніемъ; подлѣ нея зеленѣется
 Мохнатая гора, покрытая молодымъ
 березникомъ. Вдали чернѣетъ цѣль
 горъ Рифейскаго хребта. Между
 ними, въ большемъ опаденіи,
 въ ясное время, видна спрашная
 Ирямаль-пау, грозный испелинь
 Каменнаго Пояса, покрытый вѣч-
 ными снѣгами и окруженный хо-
 лодными туманами и сизыми обла-
 ками! Быстрый Уралъ шумитъ,
 извивающъ въ тысячь излуче-
 нахъ и, при самомъ городѣ, при-
 нимаетъ въ себя прозрачную Ур-
 леду, съ копорою вблизи сое-
 диняющъ свѣшная струи тихой
 Узельги. На правомъ берегу Урала
 разлиты многія озера, копорыя,
 при солнечномъ свѣтѣ, блестятъ
 какъ чистое серебро. Въ недалъ-
 немъ разстояніи отъ города про-

шекаетъ игривая рѣчка Ямская. Словомъ, быспрый взоръ на каждомъ шагу вспрѣчаетъ предметы самыя прелесныя, самыя восхищительныя, самыя романтическія!...
 Благословляю, благословляю тебя, незабвенный Верхнеуральскъ! Ты занимаешь незавидное мѣсто на картѣ Азіатской Россіи; но самое первое — въ моей памяти, въ моемъ сердцѣ! Могу ли, могу ли я забыть время, проведенное въ тебѣ, пѣнистый городокъ? то безцѣнное время, въ которое меня окружала радость, въ которое меня лелѣло счастье! — Увы! почему минулы радости пролетаютъ быспро? почему счастье наше бываетъ непродолжительно? Но что такое радость? Мыльный пузырь! Что такое счастье? блестящая пыль на крылышкахъ бабочки! дунь — и мыльный пузырь лопнетъ! привосничь ко крылышкамъ мотылька — и блестящая пыль ис-

чезнешь!... Разсмавшись съ тобою, незабвенный Верхнеуральскъ, я распался съ игривою радостью, распался съ легкокрылымъ счастьемъ! все, что было для меня мило, что было для меня драгоценно — оспалось въ тебѣ, незабвенный Верхнеуральскъ!... Увы! съ тѣхъ поръ я узналъ людей, неимѣющихъ ни сердца, ни чувствъ, такихъ людей, которые забыли права человѣчества и оправили жизнь мою ядомъ мучительной горести!... Но судьбы неоповѣдимы! Можетъ быть, и мнѣ предположить счастливая будущость; можетъ быть и я такъ узнаю радости, какъ Федоръ, о которомъ хочу рассказать моимъ читателямъ; слышавъ приключеніе его отъ одного почтеннѣйшаго старца, находившагося при заведеніи Оренбургской линіи: оно случилось вскорѣ по основаніи Верхнеуральска Сп. Совѣщ. Кириловымъ.

Федоръ, прекрасный молодой вахмистръ; сынъ бывшаго Биллярскаго драгунскаго полка Поручика; по приказанію начальства, вмѣстѣ съ 30 драгунами, состоялъ при насѣбѣ койскаго шабуна, находившагося на внутренней сторонѣ линіи, въ 15 верстахъ отъ Верхнеуральска, при озерѣ Маломъ Богадакѣ. Въ одну темную ночь шабунъ и находившіеся при ономъ драгуны были окружены разбойническою шайкою Киргизцевъ, состоявшею изъ 400 человекъ. Варвары сдѣлали сильный и стремительный напискъ; но неустрашимые драгуны встрѣтили ихъ храбро. Началась ужасная битва: засвистѣли пернатые стрѣлы; зазвучали булашныя копья; зажужжали свинцовыя пули; отъ острыхъ сабель и тяжелыхъ палашей посыпались искры — и горячая кровь обагрила холодную землю!.. Варвары бились, желая корысти; драгуны защища-

лись, исполняя священный долг службы. Сохранимъ опъ забвенія имена прехъ героевъ, въ особенно-сти опличившихся во время сей бинвы: это были старые, заслуженные драгуны *Лобовъ*, *Волковъ* и *Абалдуевъ*, слыхавшіе свистъ Шведскихъ пуль и звуки Турецкихъ сабель. Сіи драгуны — истинные сыны Отечества, истинные герои — сражались какъ разъяренные львы, какъ люпые шипры; они изрубили многихъ злодеевъ; а мужественный *Лобовъ* сильнымъ ударомъ пшшелаго палаши перенесъ на - двое предводителя разбойнической шайки, Киргизскаго башыря Карагуша (*)... Но что можемъ сдѣлать горсти храбрыхъ противу буйнаго многолюдства? — Драгуны, всѣ безъ изъясня, были побиты; одинъ только Федоръ, покрытый двѣнадцатью ранами и ослабѣвшій опъ большаго

(*) Башырь — воинъ, рыцарь, богатырь.

испеченія крови, взявъ въ плѣнь. Варвары, осмошрѣвъ раны несчастнаго вахмистра, перевязали ихъ по своему, потомъ посадили его на лошадь, руки и ноги спянули арканами. Послѣ того злодѣи поѣхали къ берегамъ Урала, а нѣкошорые изъ нихъ погнали конскій шабунъ. Во время пути, Киргизцы, гнавшіе лошадей, безпрестанно ударяли огнивами въ кремни, для того, чтобы разбивавшіяся ошъ оныхъ ударовъ искры освѣщали имъ дорогу. Злодѣи перегнали шабунъ, и переправились черезъ Ураль въ плавъ, близъ Краснаго Яра. Что могло бытъ хуже положенія, въ какомъ находился несчастный Федоръ? Связанный, онъ не могъ пошевелиться; а между тѣмъ раны причиняли ему жесточайшую боль. Путь разбойниковъ продолжался чешверо сутокъ. Каждую ночь варвары, расположившись ночевать, покрывали связаннаго Федора войлокомъ и на

края онаго ложились сами, для того, чтобы молодой вахмистръ не могъ сдѣлать побѣга. На 5 день Киргизцы прибыли въ свой ауль *), расположенный на небольшой рѣчкѣ, близъ бора, именуемаго Карагачь. Федоръ доспался въ невольники спарому башырю Куплубаю, который принялся лечить нашего единоземца отъ полученныхъ имъ ранъ. Способъ леченія былъ самый простой, именно: Федора ежедневно обкладывали горячею овчиною, за минушу передъ шѣть съ барана сняною. Это простое леченіе было очень полезно для нашего вахмистра; онъ, по прошествіи пяти недѣль, совершенно выпользовался.

По выздоровленіи Федора, была призвана старая колдунья, называемая Джа-Адугарь, кошорая, по мнѣнію суевѣрныхъ Киргизцевъ, умѣла производить то, что каждый пави-

(*) Кочевье.

никъ, сдѣлавшій побѣгъ, во время онаго заблуждался и снова попадалъ въ неволю. Спаруха, вырвавъ нѣсколько волосъ изъ головы Федора и спросивъ его объ имени, носпавила бѣднаго невольника среди кибитки, на разчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ раскладывается огонь. После сего колдунья принялась дѣлать заговоры, велѣла Федору при разѣ опешупать назадъ, плевать на свои сшупени, и каждый разъ выскакивать изъ кибитки, попомъ насыпала ему на языкъ нѣсколько золы, на копорой онъ споялъ — и колдовешво кончилось. После того Кушлубай говорилъ Федору слѣдующее: „Слушай, невольникъ! ты долженъ мнѣ служишь вѣрно; за это я буду кормить тебя, одѣвать и обувать; но ежели ты сдѣлаешь побѣгъ, по знай, что нигдѣ не можешь опъ меня укрыться — ни на землѣ, ни въ водѣ, ни въ

воздухъ: я тебя поймаю — и тогда, кромѣ жеспочайшаго наказанія, подрѣжу тебѣ кожу на подошвахъ, насыплю шуда мелко изрубленныхъ конскихъ волосъ, и сдѣлаю то, что ты будешь мучиться и раскаяваться цѣлую жизнь!“ Такія жеспокія угрозы у варваровъ Киргизцевъ, къ несчастію бѣдныхъ невольниковъ, исполняются на самомъ дѣлѣ.

Башырь Кушлубай имѣлъ прехъ сыновей Акъ - Кусюка, Ишберду, Юламана и дочь Баяну. Сыновья Кушлубая были смѣлые башыри, или лучше сказать, славные воры и разбойники, ошъ которыхъ много перцѣла Оренбургская линія; но Баяна ни сколько не походила на своихъ братьевъ: она была прелестная 16-ти - лѣшняя дѣвушка — скромная, невинная, добродушная и очень, очень милая!

Соображаясь съ обыкновеіемъ земляковъ своихъ, варваръ Кушлубай обрилъ молодому невольнику

голову и одѣлъ его въ Киргизское плашье. Житиѣ Федора было бы довольно сносно, если бы Киргизцы кормили его до сыта; но злодѣи каждодневно давали невольнику своему однѣ только кости и небольшую чашку молока, или расплавленного сала. Желудокъ молодого вахмистра, привыкшій къ Русскимъ щамъ, круглымъ пирогамъ, блинамъ и ядьямъ, долго не могъ принимать Киргизской умеренной пищи, а особливо расплавленного сала; но нужда всему научить! Занятіе Федора состояло въ томъ, что онъ, закованный въ тяжелыя желѣза, долженъ былъ каждодневно пастись Киргизскихъ барановъ. Какъ часто несчастный молодой человѣкъ, изнуренный голодомъ и ослабѣвшій отъ полудневнаго зноя, повергался на землю! какъ часто, въ глубокой горести, онъ вспоминалъ священные берега Урала, вспоминалъ отца, мать, братьевъ и сес-

перъ! какъ часпо умбляль Всевышняго о дарованіи ему [олошой свободы! какъ часпо, приведенный въ опчаяніе, призываль смершь, что-бы она прекрашила его мученія!

Время шекло; цѣлый годъ прошелъ уже съ того дня, какъ несчастный Федоръ попалъ въ неволю:— горесный, мучительный годъ! — омъ [показался нашему вахмиспру цѣлымъ вѣкомъ. Шелковая права, покрывающая Киргизъ - Кайсацкія степи, зеленѣлась; цвѣтцы разливали приятный запахъ, жаворонокъ рѣзвился въ воздухѣ, препеналь и громкимъ пѣніемъ изъдвляль свою радость; все веселилось, все восхищалось прелестями живительной весны: одинъ только Федоръ крушился, одинъ только Федоръ проливалъ горькія слезы!..

Однажды несчастный невольникъ, упомятый дневными шрудами, лежалъ въ нѣкопоромъ распояніи ошь кибишки своего хозяина, смощ-

рѣль на голубое небо, усѣянное звѣздами, и мечпаль о свободѣ. Приближалась полночь; но благодѣшельный сонъ бѣжалъ опть глазъ несчастливца... Наконецъ природа вступила въ права свои—и Федоръ началъ дремать... Вдругъ раздался тихій, пріятный голосъ... Молодой вахмистръ раскрылъ глаза — и кого же увидѣлъ передъ собою? Прелестную Киргизскую дѣвушку, дочь Куплубая. „Вспань, вспань, бѣдный невольникъ!“ — такъ начала говорить Баяна: „вспань и ушолм свою жажду.“ Федоръ, удивленный неожиданнымъ приходомъ дѣвушки, приподнялся, но не зналъ, что говорить, хотя хорошо уже научился Киргизскому языку. „Я тебѣ принесла кумызу—продолжала Баяна: пей его, милый невольникъ!“ Федоръ принялъ чашу; дѣвушка съела подлѣ него. „Мнѣ жаль тебя, милый невольникъ — говорила она: „жаль, очень жаль! Тебя мало кор-

мятъ, а потому я и принесла кумызу, который утолишь твой голодъ, утолишь твою жажду... Даю тебѣ вѣрное слово: каждую ночь, если будетъ возможность, я стану приносить тебѣ кумызъ и мясо; только ты долженъ быть молчаливъ, чтобы никто не свѣдалъ объ этомъ. Знаешь ли, милый невольникъ, я тебя люблю, очень люблю и современемъ, быть можетъ, постараюсь возвратить тебѣ свободу." Федоръ, со слезами на глазахъ, благодарилъ прекрасную Баяну за ея добродушіе, за ея обѣщаніе, и увѣрялъ, что онъ благодарній милой дѣвушки не забудетъ до самой смерти.

Киргизская дѣвушка успола въ своемъ словѣ: она каждую, или почти каждую ночь приносила мясо и кумызъ, предлагала ихъ молодому невольнику; садилась возлѣ него; говорила ему о любви своей и о томъ, что она чувствуетъ большое удо-

вольспвіе, когда видишь и слушаешь его. Федоръ не могъ бытъ равнодушнымъ къ прелестямъ милой дѣвушки: онъ волюбилъ ее — и полюбилъ нѣжно, спраспно, пламенно!

О, первѣйшее благо жизни нашей, союзъ двухъ сердець, всесильная любовь! Ты, какъ дивная чародѣйка, пворишь чудеса: испребляешь наши горести, уменьшаешь несчастья, прогоняешь тяжкую скуку; ты разсыпаешь вокругъ насъ радости, умножаешь наше счастье, разливаешь веселіе, ты усыпаешь путь нашъ благовонными розами, ты услаждаешь горестную неволю и облегчаешь тяжесть оковъ! Федоръ, узнавъ силу любви, нашель въ ней опраду и утѣшеніе въ своемъ несчастіи.

Въ одно время Куплубай, сыновья его и прочіе Киргизцы были приглашены въ сосѣдственный аулъ на поминки, ошправляемыя по од-

*

номъ умершемъ богачѣ. Въ аулѣ Куплубая оспались однѣ только женщины и дѣши. По наступленіи ночи, прекрасная Баяна явилась къ Федору, и говорила ему: „Радуйся, милый другъ! ты можешь теперь получишь свободу; не теряй времени: вотъ тебѣ острая пила; скорѣ распили свои оковы; лошади и съѣстные припасы уже готовы; мы можемъ теперь же ѣхать... Въдѣ ты не оставишь меня здѣсь?“ Могу ли, могу ли я тебя оставить, прекрасная Баяна! вскричалъ Федоръ, принимаясь пилить желѣза: ты моя спасительница, ты мой Ангель! Я скорѣ соглашусь умереть въ неволѣ, нежели уѣхать безъ тебя, несравненная дѣвушка!

Любовники, не теряя времени, сѣли на лошадей, хорошо осѣдланныхъ и обвѣщенныхъ съѣстными припасами, и благополучно отправились въ путь. Они ѣхали только по ночамъ, а во время дней укры-

вались въ оврагахъ и кустарникахъ.

По насупленіи утѣра, семейство Куплубая хвашилось Баяны и невольника; но, не нашедъ ихъ, догадалось, что они бѣжали. Свѣдѣніе о семъ дошло до Куплубая не прежде, какъ на другой уже день. Разъяренный Киргизецъ, — произнося ругательства своей дочери и клянясь Магомешомъ, что онъ изрубитъ ее въ мелкіе куски, если догонитъ, — отправился, вмѣстѣ съ сыновьями своими, въ слѣдъ за бѣжавшими; но, къ счастью, Федоръ и Баяна были уже далеко; а попому и преслѣдованіе не могло имѣть никакого успѣха.

На седьмой день послѣ своего побѣга, юные любовники прибыли благополучно въ Верхнеуральскъ. Могу ли, долженъ ли я описывать свиданіе Федора съ отцемъ, матерью, братьями и сестрами? Нѣтъ! предоспаваю воображенію чашапелей составить картину, могущую рас-

прогашь сердца самага нечувспви-
шельнаго чловѣка.

Киргизская дѣвушка приняла Хри-
стіанскую Вѣру; при святомъ кре-
щеніи она была наречена Ольгою—
и сдѣлалась супругою счастливаго
Федора. Прелеспная Ольга очень
скоро выучилась говорить по-Рус-
ски, привыкла къ нашимъ обыча-
ямъ, къ нашему образу жизни и
была доброю женою, доброю хозяй-
кой и доброю матерью своихъ дѣ-
тей — плодовъ супружеской любви.

Конецъ невымышленной повѣсти
и конецъ испытанію терпѣнія мо-
ихъ читашелей!

Петръ Кудряшевъ.

СЪВЕРШЕННЫЕ

ЦВѢТЫ

НА 1850 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТ. НАРОДН. ПРОСВѢЩ.

1829.

КИРГИЗСКІЙ НАБѢГЪ.

(Друзьямъ моимъ.)

Вы конечно знаете, въ географическомъ отношеніи, часть участка земли, который, находясь между рѣками Ураломъ и Пелекомъ, и будучи огражденъ оныя Киргизскихъ степей рядомъ форпостовъ Ново-илецкой линіи, составляетъ особенный округъ мѣшечка (*), давно извѣстнаго по своимъ соекопнямъ. Если жь не

(*) Илецкой зашины.

знаете, то прошу васъ взглянуть на подробную карту Россіи. Чрезъ эшошь самый учаспокъ (или какъ вамъ угодно его назвашь), въ 18... году пролагалъ я, разумѣшся по приказанію начальсшва, дорогу для обозовъ съ илецкою солью; и во время исполненія сего дѣла, со мною случилось приключеніе особаго рода, приключеніе, доспойное заняшь нѣсколько спрофъ въ какой-нибудь *Байроно-романтической* поэмъ: ибо въ немъ новость положеній была соединена съ неожиданностію и ужасомъ. Какъ жаль, что я не умѣю писашь поэмъ! Покрайней мѣрѣ я расскажу вамъ мое поэпическое приключеніе просто, какъ прозаическій анекдотъ; и если вы удоспойше меня такимъ же вниманіемъ, какимъ пользуется разскащики городскихъ новосшей и другихъ невинныхъ жишей-

скихъ вздоровъ, но я буду доволенъ шѣмъ, какъ нельзя болѣе. И шакъ, прошу слушашь.... Но прежде считаю нужнымъ сказашь нѣсколько словъ о Ново-илецкой линіи и сосѣдяхъ ея Киргизцахъ.

Сія линія съ начала весны до конца осени содержишя въ грозномъ военномъ видѣ: форпосшы бываюшъ вооружены пушками, небольшими ошрядами регулярной пѣхошы, Козаковъ, Тепшарей, Мещеряковъ и Башкирцевъ; денно и ношно развѣзжаюшъ по ней дозоры — и ошъ одного *пикета* до другаго ловкій Башкирецъ можешъ докинушь сшрѣлу. Случишя ли ночная шревога: вдругъ вспыхиваюшъ маяки (ш. е. огромные шесшы, обверченныя соломою и споящіе, подобно великанамъ, при каждомъ пикешѣ); шолшы Козаковъ, Мещеряковъ, Башкирцевъ высыпаюшъ

изъ укрѣпленій, и съ топотомъ ихъ коней сливаеися гулъ въстовой пушки, находящейся въ Илецкой защитѣ, на вершинѣ *Намаза* (*) или караульной горы. Но и при такихъ мѣрахъ предосторожности, киргизскимъ разбойникамъ удаеися иногда, обманувъ кордонную стражу, пробираться на нашу сторону, похищать рускій скотъ, пожигать сѣно, топтать поля, увлекать въ неволю оплошныхъ поселянъ или бѣдныхъ путешественниковъ, не разбирая ни званія, ни пола, ни возраста. Случаеися даже, что Киргизцы, собравшиесь большою толпою, имѣють дерзость нападать на самыя форпосты, выдерживать сынычки съ нами-

(*) *Намазъ*, киргизское слово, значить *святая*. Такъ называется гипсовый холмъ при Илецкой защитѣ, на коемъ Киргизцы въ старину совершали порожественныя молитвы.

ми отрядами и срывать пикеты въ уединенныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, никогда почти военныя проказы сихъ помадовъ не остаются безъ наказанія. Козаки, а особливо Плецкой зацисны, будучи лучше вооружены, смѣлѣе и рѣшительнѣе своихъ непріятелей, умѣють угадывать ихъ намѣренія, находятъ Киргизцевъ *тутьемъ* по слѣдамъ, открываютъ тайки ихъ въ чащѣ камышей, въ глубинѣ овраговъ, нападаютъ враслохъ — и смертельными ударами отбучаютъ ихъ отъ нагубной спраски къ набѣгамъ. Ксашни о зацисническихъ Козакахъ. Киргизцы боишея ихъ болѣе суровой зимы, сконскаго падежа и *улькунь-мултыкъ* или большаго ружья, ш. е. пушки. Нѣкоторые изъ нашихъ мнѣйныхъ героев (*) приобрѣли въ

(*) Напр. покойный Яковъ Бѣлковъ, о которомъ

спеняхъ и между своими какую-то знаменитость, похожую на славу, такъ что дѣла ихъ воспѣваются Русскими въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, а имена наводятъ паническій страхъ на Ордынцевъ, присоединяющихъ къ нимъ, въ знакъ невольнаго уваженія, почешное названіе *батыря*, ш. е. богатыря.

Напрасно донынѣ Правительство спаралось и спарается положить конецъ безпрестаннымъ разбоямъ и дракамъ на Ново-илецкой, и вообще на Оренбургской линіи. Всѣ его предпріяшя по сему предмету послужили только къ подтвержденію истины, что доколѣ Киргизцы будутъ Киргизцами — народомъ кочующимъ, необразованнымъ и огражденнымъ ошъ

сложено нѣсколько пѣсень и кошораго Киргизцы навывающъ *Якубъ-батыря*.

всякой власпи непроходимостию степей, до шѣхъ поръ грабительство, извѣстное у нихъ подъ названіемъ *баранты*, будешь уважаемо ими, какъ народный обычай: ибо нравы непроswщенныхъ народовъ не измѣняющся и вѣками. Слѣдственно Киргизцевъ надобно по возможности просвѣпипшь. — Правительство, какъ вамъ извѣстно, приспунило уже къ исполненію сего благодѣштельнаго средства; но эшо не ошносишся къ моему анекдоту.

Я сказалъ, что Новоилецкая линія содержишся въ военномъ видѣ шолько съ начала весны до конца осени. Зимую каршина перемѣняешся. Глубокій снѣгъ, прескучіе морозы, ужасныя мяшели, называемые шамъ *буранами*: все эшо принуждаешъ киргизскихъ *батырей* сидѣшь смирно въ ихъ войлочныхъ шапрахъ или кибиткахъ.

Самые беспокойные изъ нихъ опко-
чевываютъ, вмѣстѣ съ дикими инди-
цами, къ шельмамъ берегамъ Араль-
скаго моря, къ предѣламъ Бухаринъ и
Хивы; а ить, кошорые помирнѣе,
облегають дружелюбными аулами рус-
скую границу, мѣняють своей еконъ
на хлѣбъ линійныхъ жителей и на
прицѣпныя въ кочевомъ киргизскомъ
бынну произведенія нашихъ мануфак-
туръ, вѣданы къ намъ въ гости и
сами принимають гостей; однимъ
словомъ, живутъ съ нами, какъ доб-
рые пришельцы, до самой весны. При
такомъ положеніи дѣлъ, военная
спрогосень на линіи ешановищеса не
нужною. Въ началѣ Ноября, часно и
ранѣе, линійные гарнизоны идуць
на зимнія кварширы, Башкирцы и
Мещеряки длинными толпами оп-
правляюся въ свои канпоны; линій
пустѣеть; сердипые *бураны* увива-

юшея вокругъ покинутыхъ маяковъ , а въ форпосныхъ землянкахъ осматривались только небольшое число обывателей и сторожей (*).

Мнѣ должно было исполнить порученіе , о которомъ сказала я выше , въ половинѣ Маія. Ново-пелцкая линия не была еще тогда занята войсками , а цвѣтущая весна благопріятствовала уже набѣгамъ неугомонныхъ Ордынцевъ. Впрочемъ , имѣя въ конвое семь хорошо-вооруженныхъ Козаковъ Защитинской сотни , я съ браномъ моимъ , унтеръ-Шихпмейстеромъ (**), съ унтеръ-офицеромъ Мощиннымъ (не безъ намѣренія скрываю его имя) и восемью вооружен-

(*) Войска , охраняющія линію въ продолженіе лѣта , обыкновенно называются *лѣтнею кордонною стражею*.

(**) Авторъ служилъ тогда въ горной службѣ.

ными работниками, — благополучно и безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, снялъ ситуацію малоизвѣстныхъ пущъ, чрезъ которыя пролагалась дорога. Оспавалось только выславить по ней знаки или *вѣхи*, для указанія прямого пути въ сихъ непримѣтныхъ мѣстахъ.

Въ полдень, 20 Маія, мы находились посреди необозримой равнины, какъ плавали посреди Океана. Съдой ковыль, подобно шонкой пелень, мялся подъ нашими ногами, шпруился вокругъ насъ и сливался вдали съ краями синяго неба. Лишь изрѣдка ушомленные взоры спѣшили опдыхаться на коврахъ муравы и цвѣшовъ, покрывающихъ длинныя впадины, которыя можно назвашь *Оазисами* сей равнины. Вправо открывались иногда дымоподобные холмы Общаго Сырша и лѣса Уральскаго берега.

Какъ жаль, что какой-нибудь ученикъ Орловскаго не подсморгнѣлъ шествію нашего маленькаго каравана (*)! Эша карпина, по моему мнѣнію, споила бы масперскаго карандаша его. Я постараюсь описатьъ ее, какъ умѣю. Нѣсколько ловкихъ Козаковъ, безпрестанно заѣзжая впередъ, вели, посредствомъ длинныхъ своихъ дрошниковъ, прямую линію, а вслѣдъ за ними рабочники вколачивали въ землю колья, съ навязанными наверху пучками бѣлаго ковыля, — зыбкими, какъ перья спаринныхъ рыцарскихъ шлемовъ. По обѣ споронны линіи шянулось нѣсколько воевъ

(*) Я называлъ мою команду караваномъ, во первыхъ потому, что она съ виду въ самомъ дѣлѣ походила на караванъ, хотя въ ней и не было ни товаровъ, ни верблюдовъ; во вторыхъ потому, что не нахожу приличнѣйшаго ей названія.

съ колыями; и наконецъ, шествіе заключалось длинными *карандасами* — спешнымъ экипажемъ, весьма похожимъ на похоронныя дроги. На ихъ сѣдѣхъ поручикъ К... (который поѣхалъ со мною изъ кр. Разсыпной, въ качествѣ смотрителя солевозной дороги), полубольной, высокій, сухощавый, какъ *рыцарь пегальнаго образа*, въ одномъ камзолѣ, съ калмыцкою трубкою въ зубахъ, съ шарскимъ колпакомъ на головѣ. Что касается до меня, то покорный слуга вашъ, землякъ дикихъ Ордынцевъ, привыкшій съ дѣтскихъ лѣтъ къ ихъ кочевой жизни, — ѣхалъ верхомъ, сидя на широкомъ и мягкомъ киргизскомъ сѣдлѣ такъ же спокойно, какъ въ вольперовскихъ креслахъ. Рядомъ со мною ѣхали два Козака, сохранившіе въ памяти неизтощимый запасъ любопытныхъ преданій, ко-

порья въ совокупности составили бы самую подробную исторію ихъ родины; бывавшіе въ молодецкихъ походахъ далеко за *Сыр-дарьею* и не уснувавшіе въ некуснвѣ защищаются и нападаютъ ни одному изъ сипенныхъ Карашевъ и Джалимановъ (*). Тунь же ѣхаль и веселый, беззаботный Мошнинъ. Съ благодарностію долженъ я сказать, что мѣлкое ружье его часно доставляло намъ вкусный обѣдъ въ нашемъ безкварпирномъ походѣ. Нарядъ Мошнина сосналялъ большую противоположность съ одеждою Козаковъ. При высокомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи, при загорѣлыхъ лицахъ, украшенныхъ густыми усами,

(*) Современные *батыри*, славные въ степи, — первый, какъ бывший преиенентъ Ханскаго до-споинспва, впорый, какъ неукротимый разбой-никъ.

они были одѣшны въ преширокіе кафшаны и шаровары, имѣли на головѣ мохнашья шапки, за плечами длинныя уродливыя ружья съ *ражками*, а вмѣсто пояса шолспый ремень, съ привѣшенными къ нему пороховымъ рогомъ, киргизскою *калтою* (*), ножемъ и другими снарядами. Напоминая одеждою, вооруженіемъ и ухватками сподвижниковъ Спеньки Разина, Козаки мои могли бы до смерти перепугашь собою какого-нибудь ээирнаго пешимештра или робкую, нѣжную даму. Напрошивъ шого Мошнинъ, въ кожаномъ карпузѣ, въ изношенномъ мундирѣ съ обрѣзанными фалдами, въ холщинныхъ паншалопахъ,

(* *Калта*, такъ называется кожаная сумка, копорая служишь Киргизцамъ вмѣсто лядунки и шапки.

въ шерстяныхъ чулкахъ и *поршняхъ* (*) или русскихъ сандаліяхъ, споль же легкихъ, какъ башмаки французскаго придворнаго кавалера, — Мошнинъ, невысокій и плосный, съ корошкимъ ружьемъ своимъ, почно шакъ же походилъ на степнаго богашыря, какъ жокей нынѣшняго лорда на шурецкаго пашу или на желѣзнаго воина крешовыхъ походовъ.

Шуця съ товарищами и наблюдая за дѣйствіемъ нашихъ геодезисповъ, я вовсе не думалъ о бродящихъ киргизскихъ разбойникахъ, хошя зналъ, что въ настоящее время года спраншвовашъ шамъ, гдѣ мы находились, не совсѣмъ безопасно. Правда, видя

(*) *Поршни* — два лоскуша сыромятной кожи, спянушые ремнями и шакимъ образомъ сосшавляющіе родъ сандалій. Ихъ носяшъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крешьяне.

иногда задумчиваго Козака, обводящаго вокруг внимательные взоры, я начиналъ чувствовать тайное безпокойство и пристально смотрѣть въ туманную даль; но ширинна земли и неба скоро возвращала мнѣ прежнюю беззаботность. Что касается до монхъ воиновъ, то они говорили о Киргизцахъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣнiемъ. Напримерь, замѣнивъ однажды вдали неподвижную точку, я спросилъ одного изъ монхъ Козаковъ, не можешь ли онъ разсмотрѣть, что тамъ чертѣется? — « Кусень, или беркунь (*), » отвѣчалъ онъ сухо. — То-то; смотри, не Киргизецъ ли? — « Ну, шакъ что жь, » — « хонь и Киргизецъ. » — Какъ бы они не напали на насъ врасплохъ? — « Пускай попробуютъ! » — сказалъ пре-

(*) Степной орелъ.

хладнокровно Козакъ. Тѣмъ и разговоръ кончился.

Такимъ образомъ доспигли мы вершины рѣчки Школки, гдѣ заранѣе предположено было порядочно отдохнуть, пообѣдать и накормить лошадей. Мѣшкунъ, исправляя должность квартирмейстера, пріѣхалъ шуда прежде насъ и успѣлъ застрѣлить нѣсколько утокъ для нашего обѣда. Мѣсно, на конномъ пошавили мы свой наборъ; лежишь гораздо ниже окрестной равнины, возвышающейся вокругъ него (какъ ошлогіе края чайнаго блюдичка вокругъ дна) едва приметною покатостию. Это небольшой острый мысъ, образуемый озерцомъ, или лучше сказанъ, глубокою, похожею на проваль ямою и крупнымъ оврагомъ, въ нее впадающимъ. Вода въ ямѣ, къ счастью нашему, была холодна и чища, а берега ея усни-

лались коврами свежей, прекраснѣйшей муравы. Все это было для насъ нѣмъ пріятнѣе, что упомянутые тѣдоу и зноимъ, мы чувствовали въ одно время и жажду и голодъ и большую нужду въ отдохновеніи. Я былъ веселъ, я былъ почти счастливъ. Кому, подобно мнѣ, случалось спрашивать по снѣгамъ, шотъ конечно не спросишь: ошъ чего всѣ номады такъ сильно привязаны къ своей дикой, кочующей жизни. Повѣрите ли, что сія незавидная и повидному даже бѣдственная жизнь, имѣетъ свои радости, свои наслажденія, вовсе неизвѣстныя слабымъ, избѣженнымъ обитателямъ городовъ и столицъ? Одно уже опущеніе свѣтскихъ приличій, одна совершенная свобода поспушковъ и склонностей дѣлаетъ жизнь сію драгоценною для души гордой, свободной и мечтательной. Мо-

жеть бытъ не всё согласяшея въ
эпомъ со мною; но я признаюся
вамъ, что часто, среди блестящихъ
увеселеній столицы, среди всевоз-
можныхъ изобрѣшеній ума и роскоши,
другъ вашъ уносился мечтами въ за-
уральскія степи, къ тому прекрас-
ному времени, когда, новый Донъ-
Кихотъ, безпечно и весело искалъ
опъ приключеній въ сихъ уединенныхъ
и молчаливыхъ пустыняхъ.

Въ нѣсколько минутъ лошади наши
были выпряжены, разсѣдланы, спре-
ножены и пущены на свѣжую мураву.
Блѣдный огонекъ за сверкала подь чу-
гунымъ кошломъ, повѣшеннымъ, какъ
водникъ, на деревянномъ шренож-
никѣ, и каждый изъ пушниковъ съ-
шилъ воспользоваться временемъ роз-
дыха, чтобы удовольворить свои
желанія или прихоти. Одинъ, на-
примѣръ, закидывалъ въ озеро поход-

ныи верши; другой вынаскивалъ изъ дорожной сумы гошовый запасъ; преній усиривалъ изъ войлока родъ налашки, чибобы зацципншь себя и шоварицей ошь налицаго зноя. Сшечной нашь *метр-д'отель* или попросу кашеваръ, усердно щипалъ ушокъ, засыръленныхъ Мошнннймъ; поручикъ еще разъ закуривалъ каамыцкую свою трубку; брашь мой игралъ козачьимъ дрошникомъ; я, сндя на *карандасалъ*, сшнною къ оврагу, вынулъ изъ кармана табакерку и ошкерылъ ее.... Вдругъ пронзительный крикъ, показавшнйся мнѣ журавлиннымъ, поразилъ слухъ мой — и прежде нежели я успѣлъ спросншь о причинѣ сей печальносшн, смашенные мои шоварици закричали: « Кнргнзцы! Кнргнзцы! » Я оглянудся назадъ: девншь наѣздниковъ, на лошадахъ, черныхъ, какъ вороново крыло, въ ошнроконечныхъ

бѣлыхъ колпакахъ, въ легкой, свободной одеждѣ — неслись на насъ съ быстрой буйнаго вихря, неслись, издавая ужасные вопли и грозно похрипя своимъ дикимъ, зыбкимъ виками! Впрочемъ, размахивать ихъ было некогда. Всѣ мы, какъ вы предсказавши себѣ можете, вскочили, засуетились, схватили ружья — и нѣсколькими, наудачу пуцеными выстрѣлами, встрѣтили незваныхъ гостей. Къ счастью, глубокой оврагъ, примѣченный Киргизцами тогда уже, когда они подошли къ его берегу, отвратилъ отъ насъ ужасъ внезапнаго нападенія. Увидѣвъ свою ошибку, Ордынцы круто повернули въ сторону и съѣхали отъ насъ объѣхавъ, съ намѣреніемъ завладѣть всеми нашими лошадьми, бродившими, благодаря безпечности Козаковъ, довольно далеко отъ шатра. Наши также бро-

спасъ къ лошадямъ, и вырвали ихъ почти изъ рукъ разбойниковъ. Имъ не удалось даже похитить козачьяго дрошка, воткнушаго въ землю на шомъ мѣстѣ, гдѣ должно было послѣдовать астролѣбію для назначенія новой линіи. Послѣ такой неудачи, Ордынцы пустились оныя насъ въ ту сторону, откуда сдѣлали нападеніе; а наши, сопровождая ихъ крикомъ, бранью и проклятіями, сѣвши ослѣдять лошадей и говорили въ одинъ голосъ, что должно гнаться за Киргизцами.

Сначала я былъ пораженъ нечаянною сего приключенія, какъ дикій Американецъ первымъ выстрѣломъ пушки; но видѣвъ и малочисленность нападавшихъ и послѣднее бѣгство ихъ съ мѣста сраженія, ободрился и старался доказать своимъ спутникамъ, сколь бесполезно и лег-

комысленно ихъ намѣреніе догонять
 лешую киргизскую шайку, копо-
 раи, на прекрасныхъ коняхъ своихъ,
 далеко оснавила бы насъ за собою,
 какъ соколъ оснавляетъ иногда за-
 дорное стадо вороны. — По поручикъ
 (видь спычки и ружейные выстрѣлы
 въ одну секунду возвращали ему и
 юношескій жаръ и опроменчивую
 храбрость), по Мошинъ, вышедшій
 изъ себя оныя просни, по Козаки,
 жадные къ корысти и бою, не хо-
 тѣли и слушать моихъ предсавле-
 ній. Только нѣкоторые изъ работ-
 никовъ, спрятавшіеся подъ возы при
 первой тревогѣ, и два Козака изъ
 Ташаръ, прелешавшіе и поблѣднѣв-
 шіе снъ ужаса, близкими взорами
 изъявляли свое согласіе со мною.
 Дѣлать было нечего! Опасаясь про-
 слышь шрусомъ между шоварицами,
 я взялъ у одного изъ миролюбивыхъ

воиновъ карабинъ и сумку съ папро-
нами, повѣсилъ ихъ себѣ на плеча и
сѣлъ на лошадь, чинобы лешѣтъ, какъ
говорится, навѣрнѣчу славы и смер-
ти. Въ это время мы замѣнили,
что Ордынцы, отбѣжавъ отъ насъ
съ вереву или болѣе, даюць кому-
то сигналъ, кружась на лошадахъ
по азіатскому обыкновенію. Недо-
умѣніе наше при семъ явленіи было
непродолжительно: гусная толпа,
какъ муха, показалаеь на краю го-
ризонна — и все мои воины соско-
чили съ коней безъ команды! Я, не
теряя на сей разъ присутствія ду-
ха, взобрался на вершину вѣза съ
колыями, для наблюденій... и вопль,
смотрю направо — валяеть другая
толпа, гуще первой; прямо пропиль
насъ — показывается шрешья...

Признаюеь, что при семъ зрѣли-
щѣ сердце мое екалось, какъ высу-

шенная губка, и вдруг казалось кровью, как губка, брошенная в воду. Все понятия об ужасах киргизскаго плѣна, все повѣствованія объ изнѣзаніяхъ плѣнниковъ, слышанныя и читанныя мною въ продолженіе жизни, слились въ одну мысль — и эта мысль съ неизъяснимою быстрой проникала все мое существо! Надобно знать, что живучи въ Оренбургскомъ краю, должно поневоль безпрестанно слушать ужасныя повѣствованія о жестокостяхъ Киргизцевъ и о бѣдственной участи ихъ плѣнниковъ (какъ здѣсь, напримеръ, слушаемъ мы иногда скучные разговоры о модахъ, журнальных перебранкахъ, поминкахъ и погребъ); а потому каждый, пускающійся въ путь по линіи — не говорю уже о степяхъ — бываетъ заранѣе сильно напуганъ предполагаемыми

опасностями и ужасается при одной мысли о появленіи хищниковъ. Такъ и мнѣ слишкомъ были извѣстны разбойническіе ихъ подвиги, чтобы чувствовать весь ужасъ нашего положенія. Къ тому же часто слыхалъ я, что по звѣрскому обыкновенію Киргизцевъ, непріятель, упорный въ сопротивленіи и взятый съ оружіемъ въ рукахъ, не долженъ ожидать нималяйшей пощады. Сии варвары обыкновенно извлекають изъ него жизнь медленными муками: онѣскають членъ за членомъ, моряють голодомъ и жаждою, жгуть на огнѣ, сдирають кожу съ живаго. . . . Я окинулъ глазами наше мѣстоположеніе: глубокій оврагъ, обрывистые берега — какія превосходныя средства защиты! — Пусть они нападаютъ! Будемъ обороняться до послѣдней крайности, стрѣляя до послѣдняго

заряда, спустимся въ оврагъ — бросимся въ воду, если враги сдѣлають ударъ рѣшительный, — умремъ, но не опдадимся въ плѣнь!...

Мнѣ первому вздумалось тогда устроить изъ нашихъ возовъ родъ цитадели, которая могла бы намъ служить оградой со стороны, открытой нападенію Ордынцевъ. Козаки поняли эту мысль и усердно помогали мнѣ сдвигать тяжелыя телеги и *карандасы*. Двумъ оробѣвшимъ Ташарамъ приказано было держать оседланыхъ лошадей, чтобы они не разбѣжались, если изнугаюшся киргизскихъ вошей или выстрѣловъ. — Вь суешь и забойъ я не видалъ, что дѣлали въ это время Молниинъ и поручикъ, только слышала ихъ проклятія и громкіе крики.

Наконецъ, приготоваившись такимъ образомъ къ оборонѣ, мы сдѣ-

ладились спокойны и увѣщевали друга друга не суетишься и не прашишь даромъ зарядовъ.

Между шѣмъ шолна непріятелей на двѣой сторонѣ основана въ нѣсколькихъ снахъ саженьяхъ отъ нашего спана. Мы видѣли, какъ Ордынцы снимали съ себя лишнее платье, чинобы легче сидѣть на коняхъ. Нельзя было безъ нѣкотораго тайнаго удовольствія смонрѣть на сихъ ловкихъ всадниковъ, когда они на длинныхъ и спашныхъ армакахъ своихъ, пригнувшись къ лукъ, легкою рысью переѣзжали широкое поле. Каждый изъ нихъ былъ вооруженъ коньемъ необычайной длины; многіе сверхъ того имѣли лукъ и стрѣлы, съкеры или *ай-балты* (*), сабли и даже

(*) *Ай балта* — шопоръ на длинномъ шопоридѣ.

ружья, съ длинными ражками и вмѣстѣ замковъ финилями.

Некопная часть Киргизцевъ спустилась въ оврагъ при его вершинѣ, такъ что намъ были видны только ихъ бѣлые колпаки и концы коней. Это была, кажется, ихъ *вагенбургъ*, съ заводными лошадьми и съ разными шажескими. Другіе, раздѣлясь на малыя паршіи, издали развѣзали вокругъ насъ, какъ бы выематривая мѣстоположеніе. Наконецъ всѣ приюмы (кроме *вагенбурга*) сдѣлались въ одну и сѣли на скатѣ равнины, прямо противъ открытой стороны нашего сѣана, въ шрехъ или чешырехъ сѣнахъ саженьхъ ошъ онаго, — и съ полчаса сшояли на одномъ мѣстѣ, вѣроятно, совѣщаясь между собою.

Мы, съ своей стороны, размѣстившись позади укрѣпленій, взвели кур-

ки и спокойно ожидали первого нашествия.

Вы, можете быть, улыбаетесь, находя в моемъ рассказѣ о киргизскомъ набѣгѣ важность и подробности, различные происшествія въ знаменитымъ; но, друзья мои! гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, тамъ легкомысленная шушка не имѣетъ ни сколько мѣста; и умереть отъ кинжала убійцы, по моему мнѣнію, еще ужаснѣе, нежели отъ меча воина или отъ ядра неприятельской батареи.

Но вошь шона Ордынцевъ выплнула въ длинный шпуръ... еще минуша — раздались дикіе крики, поднялось облако пыли, дрогнула земля — и шпуръ бросился на насъ, какъ стая бѣшеныхъ собакъ на одинокаго пушника!... Съ нашей стороны грянули ружья — и Киргизцы ли утратили шу неукротимую храбрость,

кошорая опличала предковъ ихъ подъ знаменами Башыевъ и Тахшамышей, или мы вспрѣшили ихъ съ необыкновенною смѣлосшію — шолько выспрѣлы наши удержали буйное спремленіе коней ордынскихъ; но пули уже до нихъ долешали. Вошь зажужжала одна — и огромная сѣрая лошадь присѣла опъ раны подъ своимъ всадникомъ; вошь другая влѣпилась въ Ордынца: мы слышали самый шелесъ удара! Сспрой заколебался, разсыпался— и опспупись. Мы вздохнули вольнѣ.

Скоро они выспроились снова, напали на насъ по прежнему, и какъ прежде, не усшояли подъ мѣшкимъ огнемъ нашихъ ружей.

Такая робосъ враговъ ободрила насъ еще болѣе. Я даже имѣлъ любопышсшво посмопрѣшь вокругъ себя на каршину нашего воинспвеннаго

табора. Большая часть работников, вооружась бывшими у них фузеями, усердно стреляла на ряду съ Козаками; но два или три добрые человека предпочли мирное положение подъ шелегами опасной храбрости защищающейся. Братъ мой, не имѣя оружія, кромѣ козачьей пикн, стоялъ, опершись на нее, посреди табора. Поручикъ, съ длиннымъ пистолетомъ въ рукѣ, — съ пистолетомъ, у конюхаго, какъ послѣ оказалось, не было кремня — шумѣлъ, командовалъ, не смотря на то, что его вовсе не слушали. Моминишъ, въ буйной запальчивости, не хотѣлъ оставаться подъ защитною возовъ. Онъ беспрестанно ругалъ Киргизцевъ, съ оспервененіемъ двороваго пса, лающего на вора — и вѣчески старался подкраснѣть на ружейный выстрѣлъ къ нимъ изъ нихъ, конюхые, оидѣ-

лась опть общей шолны, развѣзжали
 позади ямы и въ глубинѣ оврага. Не-
 которые молодые Козаки и работ-
 ники послѣдовали его примѣру. Одинъ
 изъ нихъ шакъ перенугалъ киргиз-
 скаго батыря, неосторожно высу-
 нувшаго свой козпакъ изъ-за неболь-
 шаго пригорка, чпо шопъ, желая
 избѣгнушь высирѣла, поворошила ло-
 шадь свою, какъ говоринся, на двухъ
 заднихъ ногахъ — и сиремглавъ поле-
 шѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ нею. Но не
 прошло секунды, какъ мы увидѣли
 его преспокойно вдуцимъ на шой же
 лошади, съ концемъ передомившейся
 при паденіи пикки; и должно при-
 знаться, чпо въ такихъ случаяхъ
 Киргизцы очень похожи на пробоч-
 нныя куклы, которыми играють дѣши:
 какъ ихъ ни кинь, они все-таки
 очушятся на ногахъ!

Послѣ шрешьяго нападенія, подобнаго первымъ, Киргизцы, казалось, опчаялись одержашь надъ нами побѣду. Впрочемъ у нихъ явилась новоспъ: знамя, или проспо, пещрый бумажный плашокъ, привъшенный къ пикѣ. Мошнинъ, всегда гошовый на шушки, назвалъ киргизскаго знаменщика *портупей-прапорщикомъ* — и я не могъ не улыбнушься, слыша крикъ его: «*въ портупей-прапорщика стрѣляйте!*» сопровождаемый язвительными насмѣшками.

Но опасность еще не миновалась. Къ ногамъ моимъ упала спрѣла, а въ слѣдъ за нею — другая. Замѣшивъ эшо нечаянно, я осмошрѣлся и увидѣлъ еще нѣсколько спрѣлъ, вонзенныхъ въ землю вокругъ меня. Къ счастью никто не былъ ими ранень, и онѣ возбудили шолько яроспъ въ моихъ шоварищахъ.

Въ это время они полны Киргизцевъ оказалось нѣсколько человекъ, которые, приблизясь къ намъ, дабы однако жь ружейнаго выстрѣла, по-требовали переговоровъ. Мы отвѣчали, что намъ нѣтъ нужды заключать условія съ разбойниками. Не смотря на то, одинъ изъ нихъ, въ-роизно какой нибудь есенной Цицеронъ, хотѣлъ доказать намъ, что они не разбойники, что паѣхали на насъ печаянно, опыскивая пошерянныхъ лошадей, что имъ пріятно будетъ разсѣпаться съ нами дружеслюбно — и въ заключеніе, увѣщевалъ положить ружья и выйни къ киргизской шайкѣ, для взаимныхъ совѣщаний, угрожая въ противномъ случаѣ гнѣвомъ и мщеніемъ *батырей*. Все это, разумѣется, говорено было на языкѣ киргизскомъ, который многіе изъ насъ хорошо понимали. Поли-

тика и хипросень переговорщика, конторый предполагалъ въ насъ не болѣе разсудка, какъ въ маленькихъ дѣтияхъ, до крайности казались забавными. Орапоръ нашей стороны, Мошнинъ, ошвѣчалъ ему на длинную рѣчь жестокою бранью; потомъ, показывая видъ, что соглашается на его предложеніе, онъ спрянулъ ружье за спину и тихонько началъ подходить къ почтенному краснобаю, съ намѣреніемъ дать ему *последнее увѣщаніе* — *ultima ratio Мошнина*. Однакожь Ордынецъ, замѣнивъ хипросень, пустился, какъ изъ лука стрѣла, къ своей шайкѣ.

Вскорѣ послѣ того нѣсколько самыхъ бойкихъ наѣздниковъ, опдѣляясь опъ толпы, и какъ бы упрекая своихъ товарищей въ малодушіи, начали потихоньку приближаться къ нашему табору. Можно было догадаться,

что они хотѣли нанести на насъ быстро и неожиданно, такъ, что бы мы принуждены были бросить ружья, не сдѣлавъ по нимъ болѣе одного выстрѣла. Впереди всѣхъ ѣхалъ видный юноша. Онъ гордо приподнимался на сѣдлѣ и въ одной рукѣ держалъ длинное копье, а въ другой увѣсенную ай-балту. Уже, по видимому, онъ былъ готовъ, показывая пунь поварщикамъ, кинуться на нашъ шаторъ, какъ въ то же самое мгновеніе Козакъ Колесниковъ нацѣлилъ на него длинное ружье свое.... выстрѣлъ раздавался, пуля зажужжала — и Ордынецъ тихо повалился съ коня.... Наши съ радостнымъ крикомъ кинулись впередъ.... Загремѣли ружья, Киргизцы смущались — и обратили намъ шылъ! Прощивъ обыкновенія, они не успѣли даже взять съ собою пашаго своего предводителя, ко-

пораго Мошнинъ поднащилъ за ногу къ шабору. Убишый Киргизецъ былъ молодецъ, красивъ и дороденъ. Пуля прошла у него сквозь обѣ щеки, но ниже висковъ. Козаки, по старой привычкѣ, не замедлили обернуть его до-нага, и примѣшивъ въ немъ нѣсколько признаковъ жизни, изъ сожалѣнія къ его страданіямъ, или вѣроянше по злобному чувству вражды, постыжили добнѣ несчастнаго собственною его скירוю.

Погибель поварища, а можетъ быть и самого начальника шайки, казалось, поразила ужасомъ всѣхъ Ордынцевъ. Еще нѣсколько времени одни изъ нихъ сносили въ молчаніи противъ нашего шабора, другіе ѣздили вокругъ него, осыпая насъ бранью, проклятіями и угрозами; но скоро все, шомпа за шомпою, обхвативъ оврагъ и яму, пошлянулось внизъ

по печеню рѣчки, такъ что въ ея впадинѣ мы видѣли одинъ только лѣсъ коней — и наконецъ ничего уже болѣе не видали.

Радость, объявшая насъ при отъѣздѣ Киргизцевъ, была радость людей, избѣгнувшихъ бѣдственной смерти. Козаки — и всѣ вмѣстѣ съ ними — славя на колѣни, громко возблагодарили Всевышняго за свое чудное избавленіе. Никогда я самъ не бывалъ набожнѣе, не молился усерднѣе.

Послѣ молитвы, я и нѣкоиторые изъ Козаковъ взвѣзжали на возвышенія и объѣхали пусную окрестность, чиня наблюданіе за удалившимися Киргизцами. Коварство ихъ было намъ довольно извѣстно: они могли скрыться въ засадѣ и выжиданіе другаго удобнаго случая къ нападенію. Впрочемъ, не успѣвъ еще оглядѣться, мы вовсе потеряли ихъ

изъ виду; а тамъ, гдѣ они были, нашли только слѣды конскихъ копытъ, двухъ убитыхъ лошадей, да нѣсколько сырѣя.

Бѣда миновалась; но бывъ ею напуганы и справедливо опасаясь новыхъ нападеній, мы должны были рѣшить, что безопасно: провести ли намъ ночь въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились, спуститься ли въ долину далѣе по назначенному направленію, или обратиться къ Уралу, гдѣ ожидала насъ совершенная безопасность и до котораго, какъ намъ казалось, могли мы достигнуть прежде наступленія ночи? Последнее мнѣніе было принято большинствомъ голосовъ на нашемъ маленькомъ совѣтѣ.

И такъ, бросивъ на мѣстѣ мертваго Киргизца и множество кольевъ, какъ шажестъ, уже для насъ безо-

лезную; устроивъ изъ шелегъ родъ подвижнаго укрѣпленія или *каре*; отдѣливъ по два человека для авангарда и аррьергарда, а прочихъ свернуть въ колонну, съ гошовыми на всякой случай ружьями и коньями, двинулись мы (за помощію *Вожіею*, сказала бы князь Курбскій) въ походъ — и не встрѣшивъ непріятелей, достигли вечеромъ до небольшого полуострова, образуемаго теченіемъ рѣчки, гдѣ разсудили за благо провести ночь. Здѣсь мы съ большимъ наслажденіемъ ушолли свой голодь, не ѣвъ почти цѣлый день; отсюда жь послалъ я двухъ Козакобъ (шѣхъ самыхъ, которые спрусили) на Уралъ, съ извѣщеніемъ о появленіи Киргизцевъ внутри линіи.

Никогда не забуду я ночи, проведенной мною въ семь мѣсень. Опасаюсь новаго нападенія Ордынцевъ, я

не смыкалаъ глазъ — и до самаго разсвѣта сидѣла передъ шлюющимъ огонькомъ, разговаривая, подобно Оссиану, съ безмолвными мраками и наблюдая за разсѣявленными вокругъ нашего шабора часовыми. Тутъ получилъ я нѣкоторое понятіе о жизни ратника въ бурное военное время.

Говорить ли о томъ, какъ мы на другой день благополучно достигли Урала, какъ встрѣнились съ сонною Козаковъ, высланныхъ по распоряженію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернашора для преслѣдованія Киргизцевъ; какъ, наконецъ, сдѣлавъ большой крюкъ, прибыли въ Плецкую заштиту? — Все это имало не отношенія къ моему анекдоту; а потому, имѣя полное право написать здѣсь: *конецъ*, я прощу васъ, друзья, принять сіе описаніе пер-

выхъ и вѣроятно послѣднихъ ратныхъ подвиговъ вашего друга съ благосклонною улыбкой — и если вы найдете оное не совсѣмъ достойнымъ вниманія, то вините голую пещину, которая водила перомъ моимъ.

А. Крюковъ.

